

Лариса Белехова

(Херсон)

УДК 801.631.5+81'=111

**СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА В УКРАИНЕ И МИРЕ :
НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ, НАРАБОТКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

У статті пропонується огляд сучасних лінгвістичних парадигм в Україні й світі, аналізуються сучасні наукові підходи до дослідження мовних явищ, окреслено перспективи подальших лінгвістичних досліджень.

Ключові слова: наукова парадигма, тенденції, підходи, аспекти вивчення: комунікативний, прагматичний, когнітивний, функціональний, семіотичний.

The article presents an overview of the main scientific paradigms explored in Ukrainian and world linguistics and focuses on the explanation of different approaches to the investigation of linguistic units and language phenomena. The further perspectives of linguistic research are outlined.

Key words: scientific paradigm, approach, aspects of research: communicative, pragmatic, cognitive, functional, semiotic.

Современная лингвистика характеризуется сосуществованием разных парадигм научного знания, разнообразием подходов и направлений в изучении языка. Исследователь сталкивается с множеством терминов и понятий, толкование которых приобретает разный, порой противоречивый смысл в различных лингвистических школах. Парадигма науки – это её теоретическая модель, набор суждений, положений и постулатов, которые разделяет научное сообщество этой парадигмы [41, с.10]. Она служит своеобразной ограничительной рамкой, удерживающей ученых в русле базовых направлений научной мысли определенной отрасли языкознания и соответствующего ей методологического аппарата исследования. Для того, чтобы перешагнуть через концептуальные перегородки парадигм и не увязнуть в хаосе концептуальных понятий новой отрасли необходимы знания о понятийном аппарате каждой отдельной парадигмы.

В лингвистических исследованиях в области германистики и романистики можно выделить три основные направления или **парадигмы**, сложившиеся в

украинской лингвистике на рубеже веков: *коммуникативно-прагматическая*, *когнитивно-дискурсивная* и *когнитивно-семиотическая*, объединяющая коммуникативные и когнитивные направления современного языкознания. В рамках каждой из парадигм развиваются разные научные **подходы** к изучению тех или иных фактов и явлений языка: ономаσιологический, семасиологический, функциональный, лингвокогнитивный и др. – изучаются различные **аспекты** языковых и речевых единиц: семантический, синтаксический, стилистический, номинативный, фонологический, культурологический и т. д. – разрабатываются новые **методы** и методики лингвистических исследований такие, как, например, концептуальный и фреймовый анализы.

Переход от структурализма к новым направлениям в лингвистических исследованиях знаменуется отказом от анализа языка, изучаемого “в самом себе и для себя”. Общей тенденцией всех направлений можно считать расширение сферы лингвистических штудий, новое понимание языка и его роли для человека и для человеческого общения, постановку новых задач, касающихся многообразия связей языка с другими феноменами человеческого сознания и человеческой деятельности.

Целый ряд задач, таких как вербально воздействие на человека в процессе обучения, воспитания, вопросы “человеко-машинного” общения в связи с необходимостью всеобщей компьютеризации, перестройка высшего и школьного образования, тесно связаны с разработкой *коммуникативного* подхода к языку, изучением функционирования языка в процессах межличностной, массовой и человеко-машинной коммуникации. С позиций *прагматики* язык воспринимается как система ориентиров, необходимых для деятельности человека в окружающем его вещном мире [17, с.19]. Правильно избранная коммуникативная стратегия способна сбалансировать общение и понимание, “разрушить стены коммуникативной тюрьмы” .

В Украине в русле *коммуникативно-прагматической* парадигмы лингвистического знания разработана общая теория коммуникации

(Г.Г.Почепцов 1996), выявлены различия между персональной и надперсональной коммуникацией на основе изучения оппозиции научной/художественной коммуникации (И.М.Колегаева 1991), объяснена специфика интерперсональной и этнокультурной научной коммуникации (О.Н.Ильченко 2002), определены основные коммуникативные стратегии и тактики адресата/адресанта различных типов дискурса, например, аргументативного (А.Д.Белова 1998), медицинского (С.В.Вострова 2003), художественного (И.А.Морякина 2005), политического (М.С. Дорофеева 2005), установлены речевые стратегии и тактики автора, что позволило выявить закономерности построения и функционирования авторитарного/неавторитарного типов англоязычного научного лингвистического дискурса (О.Н.Гнезdechko 2005) и пр. **Актуальным** представляется исследование не только вербальных, но и невербальных средств коммуникации (см. работы под руководством проф. И.М. Колегаевой [10]), изучение категориальной организации языкового кода в коммуникации и речевых жанров в системе этих категорий (работы Ф.С.Бацевича [2]).

Когнитивно-дискурсивное направление изучения языковых явлений, разрабатываемое в Украине (см., например, работы школ проф. О.П.Воробьёвой [3; 4; 5;], проф. С.А.Жаботинской [7; 8; 9; 11], проф. А.Э. Левицкого [16], И.С.Шевченко [28]), основывается на концепциях зарубежной когнитологии, изложенных в трудах американских и европейских когнитивистов и в большей степени на трудах русской и советской школы лингвистов. И хотя приоритет в открытии когнитивной парадигмы лингвистики принадлежит американской школе, разработавшей её фундаментальные положения [38; 42; 43; 44; 45;], истоки теории значения, образности, референции и номинации находятся в трудах русских и украинских ученых таких, как А.А.Потебня, А.Н.Веселовский, И.А.Бодуен де Куртене, А.Ф.Лосев, В.В.Виноградов, А.А.Уфимцева, Е.С.Кубрякова, Н.Д.Арутюнова.

Уже в ранних работах Л.С. Выготского содержатся идеи о том, что мысль формируется в слове, что объективация мысли в высказываниях отнюдь не

означает “одевания” готовой мысли в языковые одежды. “Готовой” мысли до её ословливания вообще не существует, завершенность ей придает именно ее постепенное языковое оформление в ходе порождения речи, в ходе языковой интерпретации [6, с. 63].

Кроме того следует отметить, что в отечественной когнитивной науке разработано не просто когнитивное, а когнитивно-дискурсивное направление лингвистических исследований [14]. Когнитивный подход дополнен дискурсивным анализом и наблюдениями за функционированием языковых единиц в тексте и дискурсе [16].

Описать языковое явление с когнитивной точки зрения – значит охарактеризовать его роль в процессах познания мира, в фиксации структур знания и опыта, в актах восприятия и осмысления окружающей среды, объяснить как структуры человеческого знания и опыта, т.е. его понятийная система отражает в языке картину мира. Отражает ли? Большинство лингвистов соглашается в том, что в языке не отражается, а интерпретируется картина мира [12; 13; 14]. Язык показывает как работает наша мысль [12, с.24]. Уточняя понятие отражения языком окружающей действительности, Б.А.Серебренников подчеркивал, что фактически результатами отражения являются концепты и что связи языка и мышления опосредованы знаками [24, с.133]. Концептуальная система человека формируется на основе опыта: физического, интеллектуального и культурного [38; 45]. Поэтому и концепты как оперативные единицы мышления классифицируют на базовые: ПРЕДМЕТ, ВМЕСТИЛИЩЕ, ПУТЬ, ЦЕЛЬ, и т. д.; абстрактные: СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ, ГАРМОНИЯ; категориальные: ВЕЩЬ, ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, ПРИЧИНА, КОЛИЧЕСТВО и культурные: РОДИНА, БОГ СОВЕСТЬ, ГРЕХ, ДУША и пр. [12; 15; 32].

Когниция и коммуникация тесно связаны, поэтому границы между названными парадигмами условны.

Когнитивные исследования базируются на трех основных постулатах:

– разум существует как воплощенный в особую материю (нейронную

ткань мозга;

- мышление осуществляется по большей части бессознательно, автоматически;
- абстрактные концепты создаются преимущественно метафорически [44, с.27].

Общим для когнитивных работ является стремление выяснить характер взаимодействия между языком и мышлением [12; 15;], выявить те лингвокогнитивные операции и процедуры, которые обеспечивают ословливание мысли [11; 15], объяснить как мысль одевается в словесную ткань [15; 38].

Особенно плодотворной оказалась теория концептуальной метафоры и метонимии [36; 37; 39; 40; 42], концептуальной интеграции [34; 35; 37], методика моделирования информации, опредмеченной в семантике текстов, при помощи различных фреймов, сценариев, схем как структур представления знания [26; 38]. Следует разграничивать структуры знания, хранящиеся у нас в голове и форматы, модели представления этих знаний. Операционными единицами в этой связи выступают концепты и их расширение, трансформации в концептуальные схемы (метафорические, метонимические и пр.). Такими схемами выступают концептуальные метафоры и метонимии [39, с.37-77; 40].

Дж.Лакофф и М.Джонсон выделили в английском языке целые системы метафор, основывающихся на принятых в англоговорящей общности точках зрения на те или иные объекты обозначения, назвав такие метафоры концептуальными [42, с.10]. В отличие от поэтической метафоры или словесного выражения, основанного на тропе, концептуальная метафора – не троп, а способ осмысления, понимания одного явления (или области деятельности) в терминах другого [37, с. 112; 40, с.84]. Область, из которой соответствующие понятия заимствуются, обозначается как “область-источник”, а заимствующая понятие – как “область-цель”, а сам когнитивный процес концептуализации через метафору как концептуальное картирование [34, с.ххi]. Следует отметить, что если теория концептуальной метафоры и

концептуальной метонимии разработана зарубежными лингвистами, то структура концептуального оксюморона, его виды описаны в трудах украинских ученых [3, с. 188-190; 18]. Кроме того, концептуальная операция картирования в трудах наших лингвистов получила более детальное освещение: помимо концептуального картирования изучено языковое [3, с.193-219; 18, с.12-14].

В отличие от американской школы лингвистов, сосредоточивающих основное внимание на изучении концептуальной стороны языкового знака, украинские языковеды стремятся всесторонне описать его вербальную ипостась. Любая языковая единица (слово, предложение, текст) понимается как трехмерная величина, инкорпорирующая в себе предконцептуальную, концептуальную и вербальную ипостаси [3, с.147, 219].

Достижениями украинской науки по праву можно считать наработки наших ученых в области изучения предконцептуальной стороны языковых единиц и методики её исследования [там же, с. 148-152; 21].

Предконцептуальная или довербальная сторона языкового знака – это его архетип, коллективное бессознательное, по К.Юнгу [31, с.60-64, 90, 98]. Когнитивное бессознательное понимаем как предкатегориальную деятельность, возможность осуществления которой обусловлена наличием эмоциогенных предзнаний, вызванных эмоциональным опытом человека, хранящегося в коллективном бессознательном [3, с.225]. Архетип является формой существования коллективного бессознательного, наполняемого содержанием в сознании через соотнесение с мифологическими образами, символами, мотивами и сюжетами. Архетип сам по себе еще не является образом, это только эмоциогенное предзнание, предконцептуальные импликации, вызванные бессознательной реакцией первобытного человека на тайные силы природы и неспособностью человека объяснить причину эмоционального состояния, обусловленного окружающей действительностью [там же]. Аксиомой современной науки является признание единство и взаимодействие эмоции и когниции. Познание сопровождается эмоциями, в свою очередь, эмоции

мотивируют познание. Категоризация эмоций, концептуализация эмоционального опыта человека формирует, по В.И.Шаховскому, “внутренний эмоциональный лексикон”, который воспринимается как обязательная часть сложной структуры знаний, представленных в сознании [29]. Этой структурой знания являются образ-схемы или схемные образы, в терминологии С.А. Жаботинской.

Предложенные американскими лингвистами образ-схемы как предконцептуальные структуры знания [38] получили детальное описание в Киевской школе когнитивной лингвистики. Так, в монографии С.И. Потапенко “Языковая личность в пространстве медийного дискурса” [21] показано как ориентационные образ-схемы ВЕРХ-НИЗ, ЛЕВО-ПРАВО, ВЗАД-ВПЕРЕД, БЛИЗКО-ДАЛЕКО определяют семантику номинативных единиц, композицию медиа-дискурса и его текстов, как связаны процессы концептуализации и языковое воплощение категории времени с телесными и бытовыми ритмами, а формирование языкового представления о категории пространства с границами поля восприятия.

Перспективной представляется достаточно юная отрасль когнитологии **когнитивная поэтика** [4; 47; 50]. Базовыми ориентирами исследования художественной семантики в когнитивной поэтике являются **креативность** когнитивных процессов в создании новых смыслов путем концептуальной интеграции и эмотивного резонанса, который базируется на иконичности [5, с.; 46; 48], **доминирование когнитивного бессознательного** в художественных текстах, особенно в поэзии постмодернизма, требующего изменения ее стратегий и тактик [3, с.138], **модификации**, а иногда и **деформации** когнитивных процессов аналогового и ассоциативного осмысления, задействованных в анализе семантики текста [50, с.44; 51, с.188]. Ее теоретической базой служат основы когнитологии в целом, а также методологический аппарат когнитивной лингвистики, достояния разных направлений и школ традиционной лингвистики и литературоведения. Истоки этого направления лежат в русской формальной школе, в частности в трудах В.Шкловского. Исследуя поэтическую речь с целью выявления природы художественного, он писал, что целью

искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием «остранения» вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен [29, с.63]. Мысль В.Шкловского о деавтоматизации процесса восприятия в поэтическом тексте нашла воплощение в трудах отца когнитивной поэтики Р.Цура, в частности в его концепции о предкатегориальной обработке информации, объясняющей механизмы лингвокреативного мышления и специфику поэтичности. Предкатегориальная обработка информации (precategorical information-processing) предполагает выход из плена чётко очерченных концептуальных категорий посредством «приостановленной или отложенной категоризации» (delayed categorization), направленной на обработку диффузной эмотивности поэтического текста [50, с.14]. Именно наличие диффузной, т.е. рассеянной, эмотивности объясняет особый эффект поэтичности, создаваемый разрушением гештальтных основ описываемых предметов и явлений в поэтическом тексте. По мнению Р.Цура, беспредел и своеволие в использовании стилистических приёмов и манипуляции языковыми единицами подавляется организованным насилием над когнитивными процессами, обеспечивающими интерпретацию даже поэтической зауми [50, с.5, 44-50].

Пути решения проблемы только обозначены, но не описаны. Предстоит выяснить, как происходит трансформация, модификация, а иногда и деформация обычных когнитивных процессов осмысления мира при обработке художественной семантики текста, каким образом повседневные когнитивные операции приспособляются к порождению особенного эстетического и эмоционального эффекта в произведениях художественной литературы, существуют ли когнитивные ограничения и регламентации на тот кажущийся беспредел нарушения норм употребления языковых единиц. На наш взгляд, высокая художественность и поэтичность произведений обеспечивается принципом *закономерного нарушения закономерностей*. Выяснение того, как

соблюдается этот принцип, является перспективой последующих научных изысканий.

Итак, работы, выполненные в русле когнитивной поэтики, ориентированы на выявление лингвокреативных механизмов содания поэтичности художественных текстов как стихотворных, так и прозаических. Притягательной перспективой в плане выявления характера и механизмов креативности представляется исследование, связанное с теорией синергетики И.Пригожина. Использование основных понятий синергетического ряда: нелинейное мышление, колебательный контур, бифуркация, флуктуация, фрактал – даст возможность интерпретировать постмодернистские тексты. Так, термин флуктуация имеет отношение к микрокосму повествования и особенностям композиции текстов постмодерна [19; 23, с.99].

Таким образом, с одной стороны, когнитивная поэтика пытается дать ответ на вечные вопросы: о способе репрезентации мира в художественной литературе; о природе творческого и творчества; о взаимоотношении языка художественной литературы и обыденного языка [5; 36; 50]. С другой стороны, когнитивная поэтика, или когнитивная теория литературы (a cognitive theory of literature), служит мощным инструментом раскрытия и объяснения когнитивных процессов и стратегий, лежащих в основе формирования и интерпретации художественного текста как продукта познающего разума (cognizing mind) в контексте физического и социо-культурного миров его, текста, создания и восприятия [5; 36; 47; 51].

В меньшей степени разработанной представляется сегодня *когнитивно-семиотическая* парадигма. Развиваемая в Украине, она наследует традиции Тартусско-Московской семиотической школы, а также идеи российской и зарубежной семиотики, высказанные в трудах Р.О. Якобсона, Ю.С. Степанова, У.Эко, А.Соломоника.

Семиотический аспект изучения той или иной языковой единицы предполагает рассмотрение её как коммуникативной, построенной на основе конвенциональных кодов. Как известно, семантическая структура языкового

знака – это пучок различных значений (денотативных, сигнификативных, коннотативных), объединенных гармонией формы и содержания, означаемого и означающего [30, с. 70, 72; 33, с. 123]. В акте семиозиса знаки приобретают свое строение и свое внутреннее устройство в зависимости от того, как они соотносят свое означаемое со своим означающим [15, с.504]. Их дальнейшее функционирование связано с тем, какому модусу этого соотнесения они следуют – иконическому, индексальному или символическому, конвенциональному [30, с.177; 32, с. 2-3]. Код словесного знака предполагает изучение его в трёх измерениях семиотики: в семантике – отношение знака к интерпретированному фрагменту действительности, синтактике – внутренней организации знака – и прагматике – реакции интерпретатора на передаваемый знак [20, с.18]. В задачу исследования входит выявление иерархии кодов [25, с. 11], показать не только различные пути образования и обновления кодов, а и найти их смысловые различия на уровне плана содержания. Семиотики пытаются показать на основе каких существующих социальных и культурно-исторических кодов люди общаются [30, с. 31].

Актуальным в плане выявления особенностей вторичного семиозиса представляется **лингвокультурологичный** подход к исследованию художественной семантики в русле когнитивно-семиотической парадигмы, поскольку язык является условием культуры уже потому, что сам формируется в ее недрах для представления ее вербализации главным образом в знаках вторичной и косвенно-производной номинации [1, с.219]. Язык культуры выступает средством категоризации и упорядочения когнитивного пространства. Членение и структурирование – те процессы, благодаря которым происходит образование семиотической модели мира, и это образование делается возможным лишь с помощью знака. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека и образуют систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры [13, с.232, 257].

Обзор основных направлений лингвистических исследований отечественной и зарубежной науки показывает, что в их основе лежат извечные

проблемы языкознания, и что все они так или иначе возвращаются вокруг таких фундаментальных понятий, как форма и содержание, означаемое и означающее, значение и смысл. Современная лингвистика становится чем-то большим чем самодостаточная область изучения языка, она вносит свой вклад в открытие и, главное, в объяснение общих аспектов человеческого познания.

Итак, анализ лингвистических исследований XXI века в Украине позволяет утверждать, что украинские научные школы лингвистики, унаследовав богатый опыт отечественного и зарубежного языкознания, развивают собственные научные направления, дополняя мировую науку тонкими наблюдениями в области словообразования, отдельных аспектов функционирования различных частей речи, художественной семантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
2. Бацевич Ф.С. Лінгвістична генологія: проблеми і перспективи. – Львів: ПАІС, 2005. – 264 с.
3. Белехова Л.І. Словесний поетичний образ в історико-типологічній перспективі: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі американської поезії). – Херсон: Айлант, 2002. – 368 с.
4. Воробйова О.П. Когнітивна поетика в Україні: напрями досліджень // Актуальні проблеми романо-германської філології в Україні та Болонський процес: Мат-ли Міжнар. наук. конф./ Чернівецький нац. унт імені Юрія Федьковича, 24-26 листопада 2004 р. – Чернівці, 2004.
5. Воробьева О.П. Сюжетное напряжение сквозь призму конфликта ментальных пространств (опыт концептуального анализа) // Когнитивная семантика: Материалы второй международной школы-семинара. – Ч.1. – Тамбов: Изд-во ТГУ. – 2000. – С. 123 – 125.
6. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Педагогика, 1982.
7. Еремеева Н.Ф. Концептуальное пространство английской народной сказки: Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Черкасский гос. ун-т. – Черкассы,

1997. – 193 с.

8. Жаботинская С.А. Когнитивная лингвистика: принципы концептуального моделирования // Лінгвістичні студії. Вип. II. – Черкаси: Січ, 1997. – С. 3-10

9. Жаботинская С.А. К вопросу о принципах построения концептуальной модели языковой номинации // Имя: слово, словосочетание, предложение, текст (именование на различных уровнях языка). – К.: ИСИО, 1993. – С. 58-66

10. Колегаева И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. – Одесса: ОГУ им. И.И. Мечникова, 1991. – 124 с.

11. Колесник Д.М. Концептуальное пространство авторской метафоры в творчестве А. Мердок: Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. – Черкассы, 1996. – 227 с.

12. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. –160 с.

13. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. –М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

14. Кубрякова Е.С. В начале XXI века (размышления о судьбах когнитивной лингвистики) // Когнитивная семантика: Материалы второй международной школы-семинара. – Ч.1. – Тамбов: Изд-во ТГУ. – 2000. – С. 6 – 8.

15. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: ИЯ РАН, 2004. – 564 с.

16. Левицкий А.Э. Функциональная переориентация номинативных единиц современного английского языка: Монография. – Житомир: Редакционно-издательский отдел ЖГПУ Левицкий А. Э., 2001. –168 с.

17. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М.: “Смысл”, 1999. – 287 с.

18. Марина Е. С. Контрастивные тропы и фигуры в американской поэзии модернизма: лингвокогнитивный аспект: Автореф. ...дис. канд. филол. наук.: 10.02.04 / КНЛУ. – К., 2004.

19. Межеринская А.Ю. Художественная парадигма переходной

культурной эпохи. Русская проза 80-90-х годов XX века. – К.: Изд. Киевский ун-т, 2001. – С. 112-134.

20. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С.37-89.

21. Потапенко С.І. Мовна особистість у просторі медійного дискурсу (досвід лінгвокогнітивного аналізу). – К.: Вид. Центр КНЛУ, 2004. – 360 с.

22. Почепцов Г.Г. (мол.) Теорія комунікації.– К.: Українська асоціація паблік рілейшенз, 1996. – 176 с.

23. Силантьева В. “Открытое пространство” текстов переходного времени: Творчество А.П. Чехова в контексте синергетики //Південний архів.Філологічні науки:Зб. Наук. Пр. – Випуск XXVIII. Херсон: Видавництво ХДУ, 2005. – С. 99-104.

24. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – 242 с.

25. Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). – М.: Наука, 1985. – 335 с.

26. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания: Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 52-92.

27. Шаховский В.И. Эмотиология в свете когнитивной парадигмы языкознания // К юбилею ученого: Сб. научных трудов, посвященных юбилею Е.С. Кубряковой. – М.: Моск. гор. пед. ун-т. – 1997. – С. 130 – 135.

28. Шевченко И.С., Полина А.В. Историческая перспектива когнитивной лингвистики: Концепт БОГ в английском дискурсе XIV-XXвв. // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна.– Серія: Романо-германська філологія. – Вип. №639. – Харьков: Константа, 2005.– С. 3-9.

29. Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи, воспоминания, эссе. – М.: Советский писатель, 1990. – 544 с.

30. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию /Пер. с итал. – СПб.: «Симпозиум», 2004. –544 с.

31. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное: Сборник / Пер. с англ. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 544 с.
32. Dirven R., Verspoor V. Cognitive Exploration of Language and Linguistics. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1998. – 301 p.
33. Eco U. The Theory of Semiotics. – Bloomington: Indiana University Press, 1979. – 354 p.
34. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 205 p.
35. Fauconnier J., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. – N.Y.: Basic Books, 2002. – 440 p.
36. Freeman M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. by A.Barcelona. — Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 253-281.
37. Grady J., Oakley T., Coulson S. Blending and metaphor // Metaphor in Cognitive Linguistics: Selected Papers from the Fifth International Cognitive Linguistics Conference / Ed. by R.W. Gibbs, G.J. Steen. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. – 1997. – P. 101-124.
38. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination. – Chicago: Chicago University Press, 1987.
39. Kövecses Z., Radden G. Metonymy: Developing a Cognitive Linguistic View // Cognitive Linguistics. – 1998. – № 9-1. – P. 37-77.
40. Kövecses Z. The Scope of Metaphor // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective. – Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 79-93.
41. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago: The University of Chicago Press, 1996. – 212 p.
42. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago and London: The University of Chicago Press. – 1990. – 306 p.
43. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal About the Mind. – Chicago: The University of Chicago Press. – 1987. – 614 p.

44. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. – N. Y.: Basic Books, 1999. – 624 p.
45. Langaker R.W. *Concept, Image and Symbol, the Cognitive Basis of Grammar*. – Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1999. – 395 p.
46. Nänny M., Fischer O. Introduction: Iconicity as a creative force in language use // *Form Miming Meaning: Iconicity in Language and Literature*. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin, 1999. – P. III-XXV.
47. Semino E. *Language and World Creation in Poems and Other Texts*. – L.; N.Y.: Longman, 1997. – 274 p.
48. Tabakowska E. Iconicity as principle of text organization (A case study) // *Form Miming Meaning: Iconicity in Language and Literature*. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin, 1999. – P. 409-422.
49. Turner M. *The Literary Mind: The Origin of Thought and Language*. – N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1998. – 187 p.
50. Tsur R. *Toward a Theory of Cognitive Poetics*. — Amsterdam etc.: Elsevier Science Publ., 1992.
51. Vorobyova O. Conceptual blending in narrative suspense: Making the pain of anxiety sweet // 7th International Cognitive Linguistics Conference: Abstracts / University of California, Santa Barbara, July 22-27, 2001. – Santa Barbara, 2001. – P. 188-189.